

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Оформление обложки *С. Курбатова*

Редактор издания *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Литвинов, Сергей Витальевич.

Л64 Не только детектив / Сергей Литвинов. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-109553-6

В сольный проект Сергея Литвинова вошли рассказы и очерки в разных жанрах, написанные за сорок лет творческой работы. Представитель яркого литературного дуэта мастеров современной остросюжетной прозы — Анны и Сергея Литвиновых — раскрывается в этой книге с новой, неожиданной стороны.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109553-6

© Литвинов С.В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Предисловие

Уважаемая публика знает меня как мужскую часть литературно-криминального дуэта «Анна и Сергей Литвиновы».

Да, это была, конечно, блестящая идея (справедливости ради — пришедшая в голову моей родной и любимой сестре Ане): объединиться в творческий тандем. Порукой тому, что задумка оказалась удачной, стали опубликованные за двадцать лет совместной работы более чем семьдесят романов, вышедших суммарным тиражом свыше одиннадцати миллионов экземпляров.

Но помимо коллективного творчества каждый из нас писал (и пишет) что-то соло. Я настроил, наверное, больше просто потому, что старше моей замечательной сестры и соавтора на одиннадцать лет. И до того, как мы стартовали вместе, уже имел кое-какую писательскую и журналистскую биографию.

Перечитав сейчас рассказы и очерки, написанные единолично, я счел, что они могут стать интересными для широкого, что называется, круга читателей. И не только в силу органически присущих

им (скромно скажем) литературных достоинств. Ведь, взятые вместе, они представляют собой своего рода памятник времени, в котором мы жили.

В самом деле! Первый рассказ, включенный в сборник, был написан в 1978 году. Тогда Брежневу как раз вручили орден «Победа», на экраны вышел фильм «Мимино», а Карпов играл матч за звание шахматного чемпиона с «перебежчиком» Корчным. Разумеется, приметы тех баснословных годов в том романтическом и ироничном рассказике «Сказка про крокодила» отразились. Так же как время оставило свой отблеск на всех публикуемых здесь вещах.

Рассказы и очерки, вошедшие в книгу, последовательно отражают все четыре эпохи, которые мне, совместно со многими из вас, довелось прожить: Застой, Перестройку, Девяностые и нынешнюю Стабилизацию (называемую иными злыми языками Стабилизец).

Поэтому в книге — четыре раздела. Но не только — согласно временам, в которых вещи писались. Еще и — по жанрам.

Я входил — а точнее сказать, протыривался или проскальзывал — в советскую литературу двадцатилетним мальчиком. И тогда — об этом знали все сведущие и, без зазрения, учили новичков — легче всего проходили в печать, через заслоны редакторов и цензуры, юмористические, иронические вещи. Во всех без исключения газетах и журналах существовал «отдел сатиры и юмора». Даже в «Советской торговле», «Советском шахтере» и «Лесной

промышленности». Наиболее известный — «Клуб 12 стульев» в «Литературной газете». На самых высоких позициях стоял так называемый «журнал политической сатиры» — «Крокодил». Весь СССР утром в воскресенье слушал передачу отдела сатиры и юмора Всесоюзного радио «С добрым утром!», а по будням по «Маяку» — «Опять двадцать пять».

Признаться, *сатиры* во всей тогдашней продукции многочисленных *отделов сатиры* (и юмора) встречалось маловато. Изю всех стволов палили (как и сейчас) в основном по американским империалистам. А по части внутренних недостатков — узок оставался круг разрешенных тем. К печати, например, не допускались даже такие словосочетания, как «бутерброд с колбасой», или «с сыром», или даже «с маслом» (надо было с «килькой», чтобы не дразнить измученное нехватками народонаселение). Нельзя было героя юморески назвать Леней — чтоб не было аллюзий и контаминаций с царствующей особой... И тому подобное. Однако в дозволенных пределах — юмор, ирония, зубокальство процветали пышным цветом.

По счастью, мне легко и счастливо давались ироническая интонация и сам жанр короткой, парадоксальной истории с неожиданной концовкой. Рассказы и рассказыки, вылетавшие из-под моего пера в начале восьмидесятых, вдруг стали много и бурно публиковать. Они выходили и в том самом «Крокодиле», и в вышеупомянутом «Клубе 12 стульев», и в «Московском комсомольце». Но более всех — в «Студенческом меридиане», где

существовал один из самых ярких и вольнолюбивых юмористических разделов, возглавляемый Владимиром Слуцким. Поэтому практически все рассказы, представленные в первой части настоящей книги, появлялись на страницах советской партийной (а потом антисоветской и антипартийной) печати.

Иное дело — рассказы/повести/романы серьезные. Их новичку протащить в печать в позднем Союзе представлялось практически невозможным. На страницах журналов и книг царил невозможный, ходульный советизм. Те, кто пробивался из настоящих авторов (Аксенов, Астафьев, Распутин, Белов, Стругацкие, Катаев, Искандер...), делали это с болью и кровью. Если пробивались, конечно. Я был не классикам чета. Хотя тогдашние запреты сейчас кажутся просто смешными. И недалекоими. Вот вы прочтете здесь рассказ «В траве сидел кузнечик», который я написал в 1980 году. Кому я только его тогда не показывал, каким только писателям, редакторам, руководителям литературных студий и объединений, в какие только редакции не стучался. Но звучал единодушный вердикт: «Рассказ хороший, и даже очень, но его никто не печатает». Почему? Вы сами удивитесь: что там, спрашивается, такого страшного-антисоветского? Да ничего, кроме ощущения безнадеги от всеобщей фальши и лицемерия — особенно, наверное, неприемлемого ответственным редакторам оттого, что герои истории (как и автор) совсем юны. Поэтому так и долежал рассказ в столе до нынешних

времен. Его, как и несколько других серьезных вещей, написанных в советские годы, я публикую здесь впервые. (Для остальных — еще не подошло время.)

Девяностые годы — пора, когда всем нам потребовалось выживать. Но те времена ознаменовались удивительно свободной, распрямленной и раскованной журналистикой (невиданной в нашем Отечестве ни до, ни после). И я счастлив, что в девяностые имел право и возможность писать и публиковаться легко и открыто. Волею судеб я трудился тогда в журнале «Смена», который был популярен в застой, приумножил число читателей в перестройку — а в девяностые боролся, вместе со всей страной, за достойную и счастливую жизнь, не опускаясь при этом до злобной политики или разнузданной сексухи. Какие-то вещи, написанные в те годы, устарели, какие-то — носили слишком утилитарный характер. Однако несколько очерков, на мой скромный взгляд, не состарились. Их я тоже отобрал для данной книги и предлагаю вам на суд.

Тут ведь еще какая интересная штука! И первый из жанров, представленных здесь, — короткие юмористические, иронические рассказы, и последний — очерки, большей частью путевые, — оба они нынче практически умерли. Или, скажем точнее, впали в анабиоз. Жанры эти почти не представлены сейчас на страницах российской печати — тем, возможно, будет интереснее, когда и если они оживут. И в этом смысле — как памятник ушед-

шим формам — прочитать вышесказанные рассказы и очерки будет, надеюсь, поучительно.

И наконец, в нынешние времена — несмотря на то, что мы с моей великолепной сестрой и соавтором Аней плотно заняты своим непосредственным делом: пишем для вас остросюжетные романы/рассказы/повести, — нам все-таки удастся каждому создавать кое-что, отдельное от другого. Это — и заметки в фэйсбуке, и дзен-канал, что ведет Аня. Это — и рассказы (в основном мемуарного — или псевдомемуарного — характера), которые я написал для различных сборников, выходявших в издательстве «Эксмо». Их я тоже предлагаю вам на суд.

И в заключение вступительного слова хотелось бы отдать должное тем, без которых не состоялась бы эта книга — а я не состоялся бы как автор. Хочу поблагодарить всех моих редакторов — и ныне здравствующих, и безвременно ушедших.

Это — Гоги Мухранович Надарейшвили, который взялся пестовать меня, семнадцатилетнего мальчика, в газете «Лесная промышленность». Мои редакторы — из того же издания — Вадим Дмитриевич Соколов и Юрий Максимович Некрасов (которых, к сожалению, уже нет среди нас).

Это — Владимир Слуцкий, который самый первый мой рассказ (ту самую «Сказку про крокодила») напечатал в «Студенческом меридиане» и потом взял для публикации еще много, много моих историй. Это — Михаил Казовский, который придумал «Крокодильский лицей» и долго вел его. Дмитрий Иванов и Владимир Трифонов (оба, к со-

жалению, почившие), что стали моими наставниками в этом «Лицее».

В журнале «Смена» меня пестовали Владимир Анисимов и Валерий Гуринович (оба, они, увы, предстали перед Господом в достаточно молодом возрасте, в те самые девяностые). Глубоко благодарен я также главному редактору «Смены» (который руководит журналом до сих пор!) Михаилу Григорьевичу Кизилу.

Хочу также выразить глубочайшую признательность — коллегам, которые подали идеи и для очерков последних лет, и для этой книги: Ольге Аминовой, Анне Антоновой, Ирине Архаровой. Спасибо нашей (с Аней Литвиновой) постоянному редактору Анне Гедымин.

И наконец, низкий поклон двум очень разным прекрасным женщинам, каждая из которых, своим образом и в своем стиле, держит меня на плаву, помогает, пестует, заботится, вдохновляет: моей сестре и соавтору Анне и моей верной и многолетней супруге Светлане.

Спасибо всем, мои дорогие.

І. ОТДЕЛ САТИРЫ И ЮМОРА

І.І. Застой

СКАЗКА ПРО КРОКОДИЛА

Толик снял трубку, набрал номер. Гудков не было, но через шорох эфира стали слышны голоса: телефонная станция подключила его к постороннему разговору.

Говорили юноша и девушка. Они явно были не знакомы. Он убеждал ее в необходимости свидания с ним. Он говорил, что срочно уезжает в Африку и что ему не на кого оставить любимого крокодила Тошу. Она отнекивалась, но потом напор и бархатность его голоса победили, и они уговорились встретиться завтра в пять у афиши кинотеатров, как раз возле метро, где жил Толик. Юношу с бархатым голосом звали Саша, а девушку — Лена.

Толик грустно повесил трубку. Он знал этот способ знакомства. Так обычно знакомились мускулистые, джинсовые, самоуверенные парни. Они добывали телефоны хорошеньких девушек и настойчиво выясняли, работает ли баня, или предлагали купить крокодила.

А Толик не умел знакомиться с девушками по телефону. На улице он тоже никогда не знакомил-

ся. Однажды он повстречался в ресторане с женщиной лет тридцати и проводил ее до электрички. Этот факт он всегда вспоминал с гордостью.

А вообще Толик был умен, неуклюж и застенчив.

И с грустными мыслями о предстоящем завтра совсем другим людям свидании он улегся спать в своей молодой холостяцкой квартире.

А назавтра был ароматный и свежий весенний день. Все таяло, звенело, брызгало, светилось. Люди куда-то спешили, веселились, обдавая других своею веселостью.

И неожиданно для себя в половине пятого Толик вышел из дому и направился к метро. Ноги сами несли его.

Он остановился у афиши. Людей не было. Угол ее отклеился и хлопал на ветру, показывая коричневую клееную изнанку.

— Так где ваш крокодил? — услышал Толик и оглянулся. Спрашивала девушка, она смотрела на него весело и открыто.

Чувство радости и свободы, казалось, волнами исходило от нее.

— Он со мной, в портфеле, — неожиданно выпалил Толик и смутился. Она улыбнулась, и Толику вдруг стало легко и свободно. — Знаете что? Крокодилу ежедневно надо гулять. По два часа. Давайте его прогуляем? — Он сказал это неожиданно для себя и смутился.

— Идет, — весело согласилась девушка.

Толик вдруг взял ее под руку. Для него это был подвиг.

— А ошейник у вас есть?

— У меня? — с ужасом спросил Толик.

— У него, — засмеялась она, показывая на портфель.

— Нет. Ему не нужен ошейник. Я прорезал для него дырочки. Он дышит, — серьезно сказал Толик.

— Бе-дный, — ласково протянула она, — ему там жарко.

— Отнюдь. Тоша очень неприхотливый. Кушает мало, спит у меня в ногах...

— Брр.

— ...Единственная забота — раз в две недели купать его и натирать «Пемоксолью». А то он потеряет естественную зеленую окраску.

Она рассмеялась:

— А вы-то сам кто такой? По Африкам разъезжает... У-уу...

— О, я чр-резвычайно известный человек. Играю на кларнете в битгруппе ЖЭКа. Изучаю языки хинди и суахили. Постоянно самосовершенствуюсь. Читаю по ролям Гомера и Марио Варгаса Льюсу... Зовут меня, кстати, Толик. То есть нет, Саша.

Она внимательно посмотрела на него. Толик испугался разоблачения и быстро спросил:

— А вы? Расскажите мне о себе...

Было темно, когда они подошли к ее подъезду. Только по гаснущим окнам многоэтажек можно было понять, что уже совсем поздно. В подъезде горел желтый казенный свет и было тихо, только

подвывал на этажах лифт, в котором ездили уборщицы — мыли лестницу.

Ее легкая рука лежала в его руке.

— До свиданья, — шепотом сказала она.

— Пойдите, — сказал он и наклонился к ней.

Их горячие лица соприкоснулись.

— Не уходи, — как в бреду шепнул он.

Она обхватила его руки.

— Поздно... Пора. Мама... Меня ждет мама...

Нет, не уходи. Иди сюда.

— Ми-лая...

Они стояли, обжигаясь друг другом, у холодной подъездной стены. Они не замечали, как проходило время.

Потом она сняла руки с его плеч, жаркая, растрепанная, запрыгнула на ступеньку и, покачавшись на одной ножке, сказала:

— Ты знаешь, я не Лена. Только ты не теряй свою естественную зеленую окраску. Я случайно подслушала ваш разговор с настоящей Леной. Телефонная станция, верно, ошиблась... И я пришла. Посмотреть на вас... Я побежала. Пока.

Он не успел шагнуть к ней, когда она, поцеловав его, угловатыми движениями взбежала на ступеньки, а потом еще выше, на второй этаж.

Ее шаги гулко отражались в подъезде, потом звонок, голоса, и хлопнула дверь.

Толик вышел на улицу. Холодный воздух. Его лицо горело от ее губ.

Прохожих не было.